

рал от смеха со мной! Я давала ему радость: он всегда говорил мне, что я неожиданна. Иногда, когда мы говорили о чем-нибудь драматическом, он просил: «Моника, надень свою маску иронии». Это восхищало его.

— Публика знала, что у вас есть чувство юмора, что вы обладаете большим арсеналом средств, заставляющих людей смеяться. И тогда вы начали работу в «Демомах ревности» Этторе Снолы. Вы задыхались в фильмах Антониони?

— Нет, так получилось, что у этих персонажей было много общего со мной. Например, «Авантюра» родилась из наших отношений с Микеланджело: я есть тот самый персонаж. В фильме передано то, что произошло с нами. Потому что я не только веселая, комичная и полная энтузиазма: ведь я еще отчаявшаяся женщина; это моя темная сторона. Это та безнадёжность, которая пришла ко мне из детства.

— Фильмы Антониони с вашим участием и рассказывают вашу историю, они о вас двоих?

— Да, все фильмы, и поэтому они являются частью моей жизни. Мои персонажи похожи на меня, наверное, оттого, что, когда я снимаюсь, я чувствую себя лучше, чем в любой другой момент жизни. В это время я чувствую себя свободной. Это единственные моменты, когда я чувствую себя действительно хорошо. Я от многих фильмов отказывалась, потому что их не чувствовала.

— Скажите, то, что вы стали играть в комедиях, было вашей светлой стороной, более веселой, более развлекательной?

— Да, это так. Меня восхищает то, что я могу ставить человека смеяться, мне нравится смотреть, как люди получают удовольствие. Так вот, как раз Антониони убеждал меня играть в комедиях, он всегда меня в этом поддерживал. Он всегда говорил: «Ты должна сниматься в других фильмах, которые смогут раскрыть все твои способности для того, чтобы ты не была ущербной. А со мной ты не можешь этого сделать».

— Антониони был самым главным человеком в вашей жизни!

— У меня уже был театральный опыт, когда мы познакомились. Но надо признаться, с ним я приобрела разум и чувственность: он был моим братом, моим мужчиной, моим отцом, моим другом. Он был всем для меня.

— Мужчины, которых вы любили, были мужчинами, с которыми вы работали!

— Да, да. Я посвящаю много времени в своей жизни работе, боюсь, она заменит скоро любовь. Поэтому мои мужчины должны быть моими товарищами по работе, другого выхода нет. Это очень утомительно, я знаю это, но я не представляю себя женой врача: о чем бы я с ним говорила? Всем нам нравится разговаривать о том, что мы любим, с человеком, которого любим, и если это будет не так, то что же мы будем делать?

— Антониони был вашим Пигмалионом!

— Я имела свою собственную актерскую личность. Он был намного старше меня, и он помог мне поверить в себя, понимать себя. Я взамен смешила его.

— Вы прожили десять лет вместе и так и не поженились. Вы думаете, что это не так важно, быть замужем или нет!

— Мы не поженились, потому что я не люблю церемонии. Мне очень повезло, ибо у меня была очень крепкая связь, основанная на дружбе и совместной работе. Думаю, не каждый брак может гарантировать это. Мне кажется, таким образом устанавливаются очень честные отношения, если ты не обязан отдавать все свое сердце другому. Честно говоря, мне кажется, что я честная женщина.

Сейчас уже семнадцать лет как я живу с Роберто Руссо, и у нас было все — и плохое, и хорошее — это так нормально. Но в любом случае я всегда оставалась верной, мне нравится быть преданной.

— Ваш приход в кино нетипичен: вы не были победительницей конкурсов красоты, как большинство ваших современниц. Как вы считаете, это обстоятельство помогло вам?

— Это правда, что я — исключение. Я была единственной, кто учился в национальной Академии драматических искусств. Я единственная, у кого было желание знать, у кого была жажда к знаниям. Я знала, чего хотела, мне не помогали ни продюсеры, ни конкурсы красоты: мне это никогда не нравилось, я всегда хотела добиваться всего собственными усилиями.

— В этом плане вы были актрисой, которая опередила свое собственное время, по крайней мере в Италии!

— Думаю, что да. Когда я поступила в академию, там была очень суровая дисциплина и никаких шуточек. Я очень уважала свою работу и себя, всегда защищала любой ценой свои позиции. Когда я училась, у меня не было денег и было много, много дней, когда я не ела. Я питалась одними бутербродами в одном баре в Милане, они были очень большими и напичканы разными вкусами.

— Я заметил, когда вы говорите об Антониони в связи с вами, то всегда подчеркиваете, что когда вы встретились, вы уже были хорошей актрисой. Это делается специально, чтобы отделиться от того времени!

— Это правда, со мной происходят подобные вещи, несмотря на то, что я была женщиной в «Авантюре». Эта история родилась из нашего путешествия с Микеланджело на маленький остров: однажды я на что-то обиделась, надулась, пошла гулять одна и гуляла очень долго. Когда я вернулась и мы обсудили наши проблемы, он сказал, что думал о том, чтобы снять об этом фильм. И «Красная пустыня» тоже родилась из одной из моих депрессий. Он всегда смотрел и слушал меня с большим вниманием: это было прекрасно, потому что я чувствовала себя полезной.

— И этого было достаточно! Как долго это продолжалось!

— Пока не умерла любовь. Фильмы умерли, когда умерла любовь. Но правда то, что я всю жизнь буду благодарна Микеланджело. Я была бы рада, если бы эта любовь продолжалась всегда.

Но в конце концов у меня было три любви в жизни, это не много. Правда?

— Поступь времени не лучшим образом отражается на актрисе, не так ли!

— Да, это тяжело. Я успокаиваю себя тем, что я не Джина Лоллобриджида, если бы это было так, все было бы еще тяжелее. К счастью, я никогда не была очень красивой. Когда я встретила Антониони, у меня была смазливая мордочка и ничего более. В то время в Италии считали, что кино могут заниматься красотки и только. Каноны требовали огромной груди, тоненькой талии и определенных черт лица. Моим направлением не было кино, но Антониони меня нашел, он выбрал меня, ибо я была женщиной его истории. Ведь его истории также и мои. Но я была чем-то необычным — во-первых, блондинкой, а не шатенкой или брюнеткой, во-вторых, высокой (1 м 74 см) и худющей. В общем, если бы не Антониони, я не снималась бы в кино, или начала намного позже. Вот так.

— Когда вы учились, вы догадывались, что ваши физические данные будут препятствием для работы в кино?

— Конечно! В моем классе были три красавицы: одна была любовницей Хемингуэя, другая принцессой, а еще — некая Русполи. Они были прекрасны. А я ходила в обуви своего брата, всегда в брюках и черной рубашке. Я была никем. Конечно, в конце концов, — здесь Моника долго смеется, — ни одна из них, из этих красоток, ничего не добились.

— Скажите, как вы себя чувствовали, когда ваш фильм был представлен в Канне, вы боялись так же, как и на премьере «Авантюры»?

— Это значило начать сначала. Я точно так же страшно боялась, я чувствовала себя неизвестной дебютанткой. Все было очень похоже. Потом, когда картина обрела успех, потрясающий успех, все уже выглядело прекрасно.

— Что сказал Антониони, когда увидел «Секретный скандал»!

— Я показала ему фильм перед поездкой в Канн, и он сказал: «Прекрасно».

— Как вы себя чувствовали в тот день, когда газета «Монд» дала ложную информацию о вашем самоубийстве!

— Я отправилась в кондитерский магазин и съела все пирожные, какие там были.

— Вы всегда так поступаете, когда находитесь в подавленном состоянии!

— Да.

(Интервью из испанского журнала «Паис семанал». Перевод Марии-Исабель ОСУА).